

DOI: 10.31857/S032103910008641-8

E. BOWIE (ed.). *Herodotus — Narrator, Scientist, Historian. (Trends in Classics. Supplementary Volumes, 59). Berlin–Boston: De Gruyter, 2018. VIII, 348 p. ISBN 978-3-11-058355-7*

Как известно, литература о Геродоте практически необъятна. Существует в числе прочего и множество коллективных трудов о нем — как максимально общего характера (например, и издательство Кембриджского университета, и лейденское издательство «Бриль» выпустили об «отце истории» издания в формате Companion¹), так и тематических². Думается, что именно последние имеют наибольшую будущность, особенно те из них, которые используют междисциплинарные подходы.

Образчиком таковых как раз выступает рецензируемая книга «Геродот — повествователь, ученый, историк» — сборник статей или скорее даже коллективная монография, поскольку в ней налицо общий замысел и в определенной степени концептуальное единство. Уже из ее заголовка видно, что галикарнасец интересует ее авторов (в подавляющем большинстве они — филологи) в трояком аспекте: как древнегреческий писатель, как представитель научной мысли (имеются в виду науки за пределами истории, такие как география, медицина, литературоведение) и как историк в собственном смысле слова³.

Среди специалистов, принявших участие в написании книги, есть весьма громкие имена — Дж. Маринкола, Г. Надь, Р. Бихлер, К. Пеллинг, Р. Томас и др. Входит в число авторов и наш соотечественник — чл.- корр. РАН Н.П. Гринцер.

В предисловии к книге Юэн Боуи, являющийся ее ответственным редактором (но, кстати, не автором, что бывает весьма редко: кроме этого предисловия, никаких статей в томе ему не принадлежит), рассказывает (с. V), как она создавалась, — а происходило это, следует отметить, весьма драматично. В июле 2015 г. в Дельфах должна была пройти конференция с названием точно таким же, как у рецензируемого труда. Организацией мероприятия занималась греческая сторона, но из-за финансового кризиса в стране вдруг объявила о его отмене (за четыре дня до начала!). «Дело будущих историков — решить, преобладала ли здесь осторожность или иррациональная паника», — констатирует Боуи. Все же было решено опубликовать материалы несостоявшейся конференции, и результат теперь перед нами.

Книга состоит из трех разделов, озаглавленных соответственно «Повествователь», «Ученый», «Историк». Первый открывается статьей Дж. Маринколы, одного из виднейших современных исследователей античного историописания⁴, «Ὀμηρικώτατος? Повествования о сражениях у Геродота» (с. 3–24). Влияние гомеровского эпоса на геродотовский трактат

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 19-09-00022а ««Праотцы истории»: древнейшие представители античной исторической науки».

¹ Bakker *et al.* 2002; Dewald, Marincola 2006.

² Один из самых недавних примеров: Priestley, Zali 2016 (тематика — рецепция труда Геродота в античности и в последующие эпохи; нами в ВДИ опубликована рецензия на эту работу).

³ Не можем не отметить, что у нас в аналогичном ракурсе вопрос был поставлен еще более полувека назад А.И. Доватуром (Dovatur 1957).

⁴ В частности, его небольшая, но очень полезная книга (Marincola 2001) служит прекрасным общим введением во всю проблематику, связанную с этой темой применительно к Греции.

подчеркивалось опять же многократно⁵, в том числе и самим Маринколой ранее⁶. В данном случае он пытается осветить сходство и различие в описании битв в том и другом памятнике. У Геродота ученый берет рассказы о четырех значительнейших битвах греко-персидских войн (Марафон⁷, Фермопилы⁸, Саламин⁹, Платеи¹⁰).

Главной темой «Илиады», как известно, является война, и у «отца истории» она тоже занимает очень значительное место. Причем в обоих случаях, отмечает Маринкола, освещается крупный военный конфликт между Востоком и Западом; так что Гомер просто не мог не быть для Геродота образцом. У Гомера постоянно встречаются формулы, что же касается Геродота, то говорить применительно к нему о формулах в строгом смысле слова, пожалуй, было бы преувеличением (с. 4), но определенными моделями он, безусловно, пользуется при изображении событий.

Автор статьи выделяет следующие шесть черт, характерных для описания сражений в «Истории»: появление и толкование божественных знамений перед боем; рассказ о стратегии сторон; подчеркивание важности грядущей битвы в речах полководцев; описание хода самого сражения; акцент на необычайные события в его время (чудеса, призраки, потусторонние голоса и т.п.); обращение к подобным же необычайностям, имевшим место после сражения.

В целом отличный от Гомера оказывается немало, но они вполне ожидаемы: все-таки Геродот работал в ином жанре, к тому же для изображения некоторых важных событий вовсе не имел эпического образца (имеется в виду прежде всего морская битва). В то же время есть и черты сходства: влияние богов на исход сражения, вдохновляющие речи военачальников и др. «В итоге кажется, что Гомер оказал значительное влияние на геродотовское повествование о битвах, хотя повествования историка не имитируют в точности гомеровские традиции и взгляды... Геродот, возможно, действительно был «очень похож на Гомера», но прежде всего он был очень похож на себя» (с. 20).

Далее следует статья Э. Боуи «Геродот-рассказчик» (с. 25–36). Ее автор – специалист преимущественно в области классической греческой драмы, которую он, кстати, сопоставлял в некоторых аспектах с историописанием¹¹. В начале данной работы он замечает, что она посвящена простому вопросу – «что именно делает рассказы Геродота такими запоминающимися?» (с. 25). Подобный вопрос, пишет он, не так уж старомоден, как может показаться на первый взгляд, поскольку на современном этапе для ответа на него могут быть применены методы нарратологии¹² и когнитивная теория. Исследователя интересует техника, с помощью которой Геродот поднимает свои рассказы над простой развлекательностью, придает им значительность.

Для конкретного анализа выбраны несколько известных эпизодов из «Истории». Один из них (о лидийском царе Кандавле, его жене и Гигесе), – кстати, самый первый из геродотовских рассказов вообще – является настолько хрестоматийным, что появляется порой даже в современной художественной литературе¹³. Ко второму, о кольце Поликрата, сказанное относится в еще большей степени. Третий – Камбис в Египте. Всё это, в общем-то, бессмертные нарративы.

Ключевые черты искусства Геродота-рассказчика Э. Боуи формулирует так: использование повторяющихся языковых и структурных моделей, которые выполняют не только эстетическую, но и смысловую функцию, что достигается акцентом на драматических элементах, с введением прямой речи и игры слов (с. 28). Зачастую намеренно нарушается хронологический порядок событий (как в рассказе о причинах похода Камбиса на Египет). Историк «использует

⁵ Например: Boedeker 2002; 2003; Carey 2016. Ср. известную сентенцию: «Геродот хотел соперничать с Гомером и, завершив «Историю», стал Геродотом... Геродот черпал силу или дерзость для того, чтобы начать, в эпосе» (Hartog 1999, 178).

⁶ Marincola 2006.

⁷ Геродот о Марафоне: Enos 1976; Evans 1984.

⁸ Геродот о Фермопилах: Flower 1998; Vannicelli 2007; Foster 2012 (как раз в сравнении с гомеровским нарративом); Marincola 2016a.

⁹ Геродот о Саламине: Wheeler 1902; O'Sullivan 1977; Parker 2007; Erto 2009.

¹⁰ Геродот о Платеях: Nening 1992; Boedeker 2001; Marincola 2016b.

¹¹ Bowie 1997.

¹² Применение нарратологических методик к Геродоту см. в Jong 2002; 2004; Pelling 2006; 2016; Greenwood 2007; Baragwanath 2008.

¹³ Konstantinou 2017.

по сути очень простые способы. Эти рассказы опираются на единую идею или цепочку идей, которая повторяется для каждого из разнообразных основных персонажей» (с. 36).

Автор следующей статьи, «Оправдание насилия в “Истории” Геродота (III. 38): *potmos*, царь всего, и пиндаровская поэтика» (с. 37–58), — К.С. Кингсли. Как известно, Геродот нечасто цитирует предшествующих авторов. Представителей лирической поэзии он упоминает регулярно, но, как правило, без приведения фрагментов их произведений¹⁴. Чуть ли не единственное исключение — апелляция в указанном месте, в контексте рассказа о Камбисе, к Пиндару (правда, косвенной речью: *ὁρθῶς μοι δοκεῖ Πίνδαρος ποιῆσαι νόμον πάντων βασιλέα φήσας εἶναι*). Дословно же у Пиндара так (Pind. fr. 169a): *νόμος ὁ πάντων βασιλεὺς*, а вскоре после этого речь у поэта заходит о Геракле.

Кингсли отмечает, что, по мнению большинства специалистов, Геродот просто взял у Пиндара афоризм расхожей мудрости. Сама же она полагает, что связь между двумя пассажами является более глубокой и не случайной. «Отец истории», знакомый с теориями софистов (а у них категория *νόμος* занимала одно из ключевых мест), интересовался проблемами законности и ее нарушения, — в частности, тираническими режимами, а Камбис Геродотом изображается, безусловно, как тиран. Исследовательница пытается найти смысловые параллели в «беседе трех персов о формах государственного устройства» и в конце концов приходит к следующим выводам: мысль Пиндара двусмысленна, и Геродот сознательно сохраняет эту двусмысленность, Камбис парадоксальным образом представляет у него одновременно оппозицию *νόμος*’у и оправдание через *νόμος* (с. 58).

В статье П. Фингласа «Софокловский Эдип и геродотовский Периандр» (с. 59–75) рассматривается один из аспектов чрезвычайно большой и важной проблемы — проблемы возможного взаимовлияния Геродота и Софокла¹⁵. В том, что два великих интеллектуала знали друг друга — сомневаться не приходится. Ученые, убежденные в том, что влияние, о котором идет речь, действительно имело место, давным-давно уже составили пространные списки параллельных мест у историка и драматурга. А те, кто факт такого влияния отрицает, разумеется, находят различные иные объяснения таких параллелей (случайное совпадение, независимое заимствование двумя авторами из общего арсенала ходячих сюжетов, образов, идей). Сразу оговорим, что для ряда случаев такие объяснения, возможно, и подходят, но есть и параллели, для которых они, пожалуй, исключены.

Кроме того, почти всегда правомерен и вопрос о направленности влияния. Кто у кого заимствовал, если действительно заимствовал: Софокл у Геродота или Геродот у Софокла? Хронология их жизни и творческой деятельности часто никак не помогает, поскольку в этой хронологии (для обоих) много неясного. Или, точнее, почти ничего ясного; чрезвычайно мало реперов, за которые можно было бы хоть как-то зацепиться. Одним из таковых является визит Геродота в Афины около середины 440-х годов до н.э., в ходе которого он публично читал отрывки своего труда. Но впервые ли в своей жизни он тогда посетил «город Паллады»? Мы не знаем (нам представляется, что это маловероятно). Равно как не знаем, бывал ли он там позже, после своего отъезда в Фурии (например, в начале Пелопоннесской войны), да и со временем его смерти и публикации «Истории» согласия между специалистами нет: большинство считает, что это 420-е годы до н.э., но приводились и аргументы в пользу 410-х¹⁶.

Ничуть не лучше дело обстоит и с софокловскими датировками. Только для «Антигоны» и «Эдипа в Колоне» мы с достаточной степени уверенности можем говорить о времени написания и постановки. А общепринятые даты для остальных сохранившихся трагедий, по большому счету, условны. Даже попавшее во все учебники отнесение «Эдипа-царя» к тем же первым годам Пелопоннесской войны зиждется на соображениях хоть и убедительных, но не безусловно верных.

¹⁴ Характерный пример: Солон занимает весьма значительное место в «Истории» Геродота (Hollmann 2015; Chiasson 2016 и множество более ранних работ), но в ней нет стихов Солона. В одном месте (Hdt. V. 113) упоминается солоновское стихотворение, адресованное Филокипру, царю кипрских Сол — но именно только упоминается, ни одной строки из него не дается (по другим источникам известны несколько строк из этой элегии).

¹⁵ Этот вопрос рассматривался нами в Surikov 2011, 336–361 (с указаниями на литературу, которую поэтому мы здесь не приводим).

¹⁶ Fornara 1971.

П. Финглас в анализируемой статье обращается к одной из таких «геродото-софокловых» параллелей, причем к такой, которая редко привлекала внимание. Речь идет о сходстве образа Эдипа в трагедиях Софокла и образа коринфского тирана Перияндра в «Истории». В их трактовке автор опирается на давние мысли Ж.-П. Вернана¹⁷: и Эдип, и отец Перияндра Кипсел в младенчестве едва избежали смерти¹⁸, и у Эдипа, и у Перияндра были серьезные проблемы с близкими родственниками (у Эдипа с родителями, у Перияндра с сыном), оба проявляют «сексуальные девиации»... Особенно интересна следующая параллель: бабу Кипсела звали Лабда, а деда Эдипа — Лабдак. Оба имени связаны с хромотой¹⁹. Относительно Эдипа мифы к тому же прямо сообщают, что в детстве ему повредили ноги (и само его имя может быть понято в таком смысле); о том, что у Кипсела или Перияндра были какие-то проблемы с ногами, традиция, правда, ничего не сообщает.

Но Вернан, подчеркивает П. Финглас (с. 60), интересуется только мифами как таковыми, а не тем, как они отразились в различных литературных памятниках. Сам же он занимается именно преломлением соответствующих мифов у Софокла и Геродота, находя при этом новые черты параллелизма, не замеченные Вернаном, но в то же время указывая и на различия, которые, в его понимании, также не случайны, а обусловлены разными целями авторов. Кроме того, аллюзии на историю Перияндра встречаются у Софокла не только в «Эдипе-царе», а еще в «Электре» — драме, по утвердившемуся мнению, созданной позже, чем «Эдип-царь» (и, видимо, даже позже, чем «Электра» Еврипида). Во времена, когда она писалась (вторая половина 410-х годов до н.э.), Геродота уже точно не было в живых, так что здесь вопрос о направленности влияния может иметь только один ответ. Есть еще «Эдип в Колоне» с его чисто геродотовским рассуждением о различии поведения мужчин и женщин в Греции и в Египте, тоже написанный заведомо после кончины историка.

Что касается «Эдипа-царя» — тут вопрос куда сложнее, ввиду хронологических затруднений, которые отмечались выше. Тут как Геродот мог воспользоваться Софоклом, так и Софокл Геродотом. В конечном счете Финглас оставляет этот вопрос, в сущности, открытым, завершая статью словами: «Мы не можем исключить возможности, что Геродот дал совет своему другу Софоклу или даже что сам Геродот, присутствовавший на первом представлении “Эдипа-царя”, нашел там вдохновение для изображения Перияндра» (с. 75).

Две очередные работы посвящены египетским сюжетам в «Истории». И. Константакос («Время, твои пирамиды: новелла о Микерине (Геродот, 2. 129–134)», с. 77–108) пытается понять, откуда Геродот взял данные об упомянутом фараоне. Он приходит к выводу, что источником послужили египетские фольклорные мотивы, обнаруживая, в частности, параллели (правда, на наш взгляд, отнюдь не близкие) в папирусных памятниках из долины Нила. «Геродотовский рассказ о Микерине собран по кусочкам на основе легендарных материалов египетского происхождения. Они, должно быть, достигли ушей Геродота через различных информаторов, которые обеспечивали его данными о египетской истории и преданиях» (с. 96). По утверждению ученого, одно из качеств, которые делают Геродота великим рассказчиком, — это именно богатство местных субстратов в излагаемых им историях. Но полученное им сырье он мастерски подвергает литературной переработке.

Здесь мы, между прочим, опять же выходим на более широкую проблему: с кем, собственно, общался фараон в «стране пирамид», кто были те «египетские жрецы», к авторитету которых он нередко апеллирует? Мнения в науке разнятся фактически в спектре до полярно противоположных: от полного отрицания, что Геродот вообще беседовал с египтянами (он-де на самом деле всё о Египте списал у Гекатея)²⁰, до допущения, что его собеседниками и информаторами были жрецы весьма высокого ранга²¹. На наш взгляд²², это были скорее представители

¹⁷ Vernant 1982.

¹⁸ Как раз эта параллель, на наш взгляд, не показательна. Перед нами чрезвычайно распространенный мотив ребенка, который чудесным образом спасается от грозившей опасности, а выросши — становится выдающимся деятелем. Примеров масса, и из истории, и из мифологии, из самых разных частей ойкумены: Саргон Аккадский, Моисей, Персей, Ромул, Кир Великий...

¹⁹ О семантике хромоты у греков см. Ogden 1994; Martin 2017.

²⁰ Heidel 1987.

²¹ Lloyd 1975, 94–97.

²² Surikov 2011, 212–231.

среднего и низшего храмового персонала, в качестве гидов показывавшие эллинским паломникам местные достопримечательности. Их рассказы были, как у экскурсоводов всех времен, насыщены фольклорными, новеллистическими и даже анекдотическими элементами, а кроме того, рассчитаны именно на слушателей-греков (так и появлялись на свет квазиегипетские, а в действительности греческие по своим корням истории).

Схожа по тематике статья Г. Нады «Геродот о царицах и куртизанках Египта» (с. 109–122). Выдающийся филолог-классик наших дней в данном тексте, несмотря на довольно общий заголовок, обращается, по большому счету, к одной детали «египетского логоса» — к утверждению Геродота, что по одной из версий (с которой сам он не согласен), та самая пирамида, которая слывет Микериновой, была построена женщиной, знаменитой гетерой Родопис. Зато уж этот небольшой сюжет Надя разбирает максимально скрупулезно. Он считает, что в основе упомянутой версии тоже лежит египетский фольклорный материал, но первоначально в ней фигурировала, конечно, не иноземная гетера (гречанка или фракиянка), а царица VI династии Нитокрис. А переделал эту традицию в рассказ о Родопис не кто иной, как Гекатей Милетский, предшественник Геродота в описании Египта²³. Точнее, он записал эту измененную традицию в том виде, как она бытовала среди эллинов Навкратиса.

Раздел «Ученый» начинается с двух статей, в которых рассматриваются географические представления Геродота. Работа В. Зали²⁴ «Геродот, обдумывающий свой жанр: взаимодействие мифа и географии в ливийском логосе» (с. 125–138), хотя и начинается с соображений обобщающего характера («Геродотовский метод составления географических описаний явно подвергся влиянию современных ему научных идей, но повсюду рассыпаны мифические элементы. Природные явления часто объясняются на основе мифов, мифы привязываются к отдельным народам, местностям, культовым центрам и оказываются, таким образом, тесно связаны с греческим или негреческим ландшафтом», с. 125), в дальнейшем в основном затрагивает, как видно и из ее названия, ливийский логос.

С этим последним тесно связан обширный экскурс об основании и ранней истории Кирены (мы даже предпочли бы говорить о «киренско-ливийском логосе», Hdt. IV. 145–205, который даже при этом остается в «Истории» одним из самых небольших), и исследовательница активно привлекает как ливийские, так и киренские данные. По ее мнению, эти данные, пусть и частного характера, отлично демонстрируют в миниатюре метод Геродота: «Он является продолжателем эпоса и предшествующей традиции, но также независимым исследователем, критически изучающим прошлое и географические явления» (с. 138). Одно из главных отличий Геродота от более ранних авторов, имеющих отношение к географии текстов, даже от Гекатея, заключается в том, что галикарнасец опирается на достижения интеллектуалов его эпохи, прежде всего софистов.

Более масштабную картину стремится нарисовать Р. Бихлер в статье, которая и называется просто «Геродот-географ» (с. 139–155). Следует отметить, что на сегодняшний день именно Бихлер является, пожалуй, виднейшим в мире знатоком этого круга вопросов. Упомянем прежде всего его весьма фундированную монографию²⁵, на которую он, естественно, в значительной степени опирается, оговаривая это, и в данном компактном изложении.

Основные вопросы, которые затрагивает здесь ученый, являются следующими: представления Геродота о континентах (он критикует взгляды предшественников, у которых ойкумена «симметрична» и Азия равна по размеру Европе, а у него самого Азия значительно меньше, поскольку он выделяет Ливию-Африку как отдельный континент), его информация о дальних морских путешествиях (Скилака Кариандского из Индии в Красное море, финикийцев вокруг Африки и др.), перечни народов и сводки расстояний между географическими объектами. Достаточно подробно рассматривается геродотовский дискурс о размерах Персидской державы.

²³ Влияние Гекатея на Геродота, использование последним первого сомнения не подлежит, это отмечалось неоднократно и в самой разной связи (Herrmann 1911; Heidel 1987; Argyros 2004). Иную точку зрения, которая, на наш взгляд, чрезмерно преуменьшает влияние Гекатея на Геродота, см. в West 1991. Подчеркнем, что ссылается галикарнасец на милетянина далеко не во всех случаях, когда использует информацию из его труда; но это порождено общей спецификой тогдашней манеры ссылаться на предшественников.

²⁴ Ранее эта греческая исследовательница занималась преимущественно риторикой Геродота (Zali 2015).

²⁵ Bichler 2001.

Довольно занятным вырисовывается отношение «отца истории» к картам: они для него малоинформативны и даже обманчивы. Из них, в частности, трудно составить реальное представление о длине того или иного пути, и в результате Аристагор в Спарте едва не обманул Клеомена: тот, глядя на его карту, в начале не мог понять, что добираться до Суз нужно много месяцев. В качестве параллели Бихлер приводит пассаж (примерно того же времени) из «Облаков» Аристофана, где географическая карта высмеивается, поскольку на ней Спарта оказывается совсем близко к Афинам, а в Афинах не изображена одна из главных их примет — коллегия дикастов.

Интересно и нетрадиционно поставлен вопрос в статье Н.П. Гринцера — «Геродот как литературный критик» (с. 157—174). Автор отмечает, что в последнее время антиковедов стали больше интересовать проблемы места Геродота в интеллектуальной среде V в. до н.э. Но в этом контексте речь чаще идет о философии (в широком смысле, включая естественные науки), политике, в некоторой степени риторике, а сам исследователь хочет осветить некоторые сюжеты литературоведческого и лингвистического характера.

Ключевым явлением интеллектуальной жизни геродотовых времен было, конечно, движение софистов. Прекрасно известно, что софисты много занимались филологической проблематикой, анализируя литературные тексты, в первую очередь гомеровские (особенно часто в данной связи вспоминают Продика с его штудиями о синонимах). То же можно сказать и о Демокрите, который к софистам не принадлежал²⁶. Гринцер отмечает: «Кажется, для V в. до н.э. мы можем говорить о возникновении литературоведческого и лингвистического комментирования поэтических текстов — процессе параллельном (или скорее предшествующем) по отношению к развитию ученой филологии эллинистической эпохи» (с. 160). Своей же задачей он видит привести примеры подобных интересов и у Геродота, чтобы лучше понять его вклад в эту «протофилологию».

Такие примеры, разумеется, обнаруживаются, — например, в «египетском логосе» в связи с фигурой Протея. Обнаруживается, что Геродота интересовала этимологическая интерпретация имен, а это вполне в духе софистов. Упоминается в работе и известная геродотовская цитата (непрямая), которой была посвящена статья Кингсли, — о ней речь шла выше.

В заключение Н.П. Гринцер утверждает (абсолютно оправданно, по нашему мнению), что считать Геродота в его трактовке поэтических текстов и языка «софистическим» автором было бы слишком узкой характеристикой. Просто Геродот был таким же равноправным участником общего процесса развития идей, общих дебатов, как софисты Протагор и Продик, как философ Демокрит.

В статье П. Демона «Геродот о здоровье и болезни» (с. 175—196) речь заходит о медицинских познаниях «отца истории». Кстати говоря, по тематике к ней вплотную примыкает следующая статья, «Стороны в состязании: Геродот и гиппократики» (с. 199—222), принадлежащая перу К. Пеллинга. Но она почему-то оказалась отнесена не ко второму разделу книги («Ученый»), а к третьему («Историк»). Это кажется нам неоправданным и даже необъяснимым (разве, возможно, составители исходили из того, что иначе третий раздел оказался бы слишком уж скромным по объему), и, во всяком случае, рассматривать эти две статьи лучше в совокупности.

Сразу отметим, что вряд ли нам под силу вполне компетентно судить об их содержании, мало что зная об античной (равно как и любой другой) медицине. Можем только очень кратко констатировать основные положения, выдвигаемые авторами. П. Демон утверждает, что Геродот предлагает нам взгляд на здоровье и болезни, принадлежащий к стадии развития медицины, которая предшествует отразившейся в текстах Гиппократова корпуса и в ряде отношений не сходна с ней. Таким образом, его труд — ценный источник именно по самому раннему, догиппократову этапу эволюции греческой медицинской науки.

К. Пеллинг, со своей стороны, тоже отмечает, что сопоставление «Истории» Геродота с гиппократовыми трактатами оказывается весьма перспективным — это в полной мере

²⁶ Но, думается, нельзя и утверждать, что он не имел к ним никакого отношения. Его земляком был тот из софистов, которого традиционно признают едва ли не сильнейшим. В некоторых источниках можно прочесть, что Демокрит — учитель Протагора, но это вряд ли возможно по хронологическим соображениям: Протагор был лет на 20 старше, и уж легче предположить, что отношения наставничества-ученичества между ними были противоположными.

продемонстрировала в свое время Р. Томас в одной из самых важных в современном антиковедении, в полном смысле этапных книг о галикарнасце²⁷. Пеллинга в данной работе больше всего интересует проблема причинности у Геродота и в медицинских текстах. Сравнение обнаруживает, естественно, различия в трактовке этой категории.

Третий раздел книги продолжается статьей С. Николаиду-Арабаци «ἱστορίαι и θωμάζειν: научные термины и признаки единства в “Истории” Геродота» (с. 223–241). Уже в самом начале ее встречаем принципиальное суждение, с которым мы не можем согласиться. По мнению исследовательницы, существительное «история» (ἱστορία, ἱστορίη) ранее Геродота вообще не встречается в памятниках древнегреческого языка (с. 224). Но эта точка зрения, в сущности, бездоказательна, и многое говорит против нее. Так, главный исторический труд Гекатея Милетского (который писал, само собой, раньше, чем Геродот) скорее всего уже назывался «Истории» или «История» (Strab. XIV. 1. 7; Demetr. *De eloc.* 2; *Schol. Apoll. Rhod.* I. 551)²⁸. Подчеркнем, что тогда слово ἱστορία/ἱστορίη еще понималось в своем исконном ионийском смысле — не как нарратив о прошлом, а как «исследование, расследование».

С другой стороны, в статье справедливо подчеркивается важность разного рода удивительных, чудесных элементов в труде Геродота (который оговорил это, как известно, уже во вступлении). Имеются в виду как «чудеса природы», так и поразительные постройки, а также сверхъестественные события. Утверждается, что это «предвосхищает позднейшие философские представления о θωμάζειν как импульсе к философскому поиску» (с. 241), что, как нам кажется, не очевидно.

Другая греческая исследовательница, М. Ксанту, поместила в книге статью «Χρῶς, χρῶς и κλέος: предметы из золота, признание, честолюбие и власть в лидийском логосе Геродота» (с. 243–264). Пресловутый «лидийский логос», или «Крезов логос», многократно анализировался в литературе²⁹. Но здесь автор привлекает внимание к его интересному аспекту — информации о знаменитых золотых дарах сардских владык в святилища Элады. В связи с этим поднят вопрос о назначении подобного рода драгоценных предметов как источника славы в веках и способа борьбы с беспощадным временем. Борьба эта не всегда оказывалась успешной: Геродот не раз сообщает о печальной судьбе того или иного посвящения.

Заканчивается рецензируемый коллективный труд «Истина и авторитет в повествовании Геродота: рассказы лживые и правдивые» (с. 265–284), автор которой — Р. Томас, а она, пожалуй, на сегодняшний день является едва ли не самым видным в мире специалистом по геродотовскому труду. Данная ее работа имеет обобщающий, комплексный характер, удачно завершает книгу, становясь чем-то вроде заключения к ней. Томас поднимает вопросы, связанные и с Геродотом-повествователем, и с Геродотом-ученым, и с Геродотом-историком.

Автор начинает с анализа некоторых лживых рассказов, которые появляются у Геродота в связи с Греко-персидскими войнами. Относительно недавнее введение в научный оборот интереснейших фрагментов поэзии Симонида по той же тематике позволяет теперь обращаться к сравнительному рассмотрению данных двух авторов³⁰ и выявлению разногласий между ними. При этом Симонид — писатель, априори заслуживающий большего доверия: он был современником и отчасти участником описываемых событий, а Геродот жил позже. Он к тому же и более тенденциозен. Так, мы уже отмечали³¹, что кеосский лирик отводит коринфянам вполне достойное место в Платейском сражении, а галикарнасский историк старается всячески минимизировать их роль в этой битве, что связано с общим весьма негативным отношением Геродота к Коринфу в ту пору, когда он писал эти строки.

Обращается Томас также к рассказу Геродота об основании Кирены жителями Феры, в данном случае привлекая в качестве сопоставительного материала данные Четвертой Пифийской оды Пиндара. Выводы из подобных сравнений делаются следующие: «Геродотовское повествование может молчаливо корректировать или молчаливо рационализировать соперничающие и более фантастические традиции. И это помогает более четко определить некоторые характерные черты метода Геродота и его способа изложения. Как часто повторяют, его

²⁷ Thomas 2000.

²⁸ Alganza Roldán 2012, 26–27.

²⁹ Например: Hellmann 1996; Visser 2000; Kindt 2006; Mills 2014; Ellis 2016.

³⁰ Flower 1998; Boedeker 2001; Vannicelli 2007.

³¹ Surikov 2011, 294–325.

принцип — передавать τὰ λεγόμενα, даже если он не верит этому... Но он не поступает так без разбора и иногда открыто объявляет, что такой-то рассказ неправдоподобен или просто лжив... Этот метод дает ему новые эффективные средства для рационализирования и проводится эксплицитно (похоже, в отличие от рационализирования у Гелланика или Акусилая)» (с. 283–284).

Воспользовавшись этим упоминанием двух из предшественников нашего автора, завершим нашу рецензию на труд, общая оценка которого должна быть весьма позитивной, следующим суждением. Как нам представляется, для лучшего понимания Геродота во всех трех его взаимосвязанных ипостасях («повествователя», «ученого», «историка») могло бы быть весьма перспективным именно рассмотрение его в контексте и на фоне «старших коллег» (что, к сожалению, в проанализированной книге мы находим лишь в очень малой степени). Речь даже не столько о Гелланике и Акусилае, но в большей степени о Гекатее Милетском и Ферекиде Афинском. Первый отличался не только собственно историческими, но и ярко выраженными географическими интересами³²; о втором того же сказать нельзя, но зато он был великолепным повествователем³³, а в то же время, как становится всё более ясным, повлиял на Геродота весьма сильно³⁴.

Литература / References

- Alganza Roldán, M. 2012: Hecateo de Mileto, “historiador” y “mitógrafo”. *Florentia iliberritana* 23, 23–44.
- Armayer, O.K. 2004: Herodotus, Hecataeus and the Persian wars. In: V. Karageorghis, I. Taifacos (eds.), *The World of Herodotus*. Nicosia, 321–335.
- Bakker, E.J., Jong, I.J.F. de, Wees, H. van (eds.) 2002: *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden–Boston–Köln.
- Baragwanath, E. 2008: *Motivation and Narrative in Herodotus*. Oxford.
- Bichler, R. 2001: *Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte*. Berlin.
- Boedeker, D. 2001: Heroic historiography: Simonides and Herodotus on Plataea. In: D. Boedeker, D. Sider (eds.), *The New Simonides: Contexts of Praise and Desire*. Oxford, 120–134.
- Boedeker, D. 2002: Epic heritage and mythical patterns in Herodotus. In: E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees (eds.), *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden–Boston–Köln, 97–116.
- Boedeker, D. 2003: Pedestrian fatalities: the prosaics of death in Herodotus. In: P. Derow, R. Parker (eds.), *Herodotus and his World. Essays from a Conference in Memory of George Forrest*. Oxford–New York, 17–36.
- Bowie, A.M. 1997: Tragic filters for history: Euripides' Suppliants and Sophocles' Philoctetes. In: C. Pelling (ed.), *Greek Tragedy and the Historian*. Oxford, 39–62.
- Braun, T. 2004: Hecataeus' knowledge of the Western Mediterranean. In: K. Lomas (ed.), *Greek Identity in the Western Mediterranean: Papers in Honour of B. Shefton*. Leiden–Boston, 287–347.
- Carey, C. 2016: Homer and epic in Herodotus' Book 7. In: A. Efstathiou, I. Karamanou (eds.), *Homeric Receptions Across Generic and Cultural Contexts*. Berlin–Boston, 71–89.
- Chiasson, C.C. 2016: Solon's poetry and Herodotean historiography. *American Journal of Philology* 137/1, 25–60.
- Dewald, C., Marincola, J. (eds.) 2006: *The Cambridge Companion to Herodotus*. Cambridge.
- Dovatur, A.I. 1957: *Povestvovatel'nyy i nauchnyy stil' Gerodota* [Narrative and Scientific Style of Herodotus]. Leningrad.
- Доватур, А.И. *Повествовательный и научный стиль Геродота*. Л.
- Ellis, A. 2016: A Socratic history: Theology in Xenophon's rewriting of Herodotus' Croesus Logos. *Journal of Hellenic Studies* 136, 73–91.
- Enos, R.L. 1976: Rhetorical intent in ancient historiography: Herodotus and the battle of Marathon. *Communication Quarterly* 24/1, 24–31.

³² Hansen 1997; Braun 2004.

³³ Jacoby 1956, 116–124; Fowler 2013, 706–710.

³⁴ Ruschenbusch 2000.

- Erto, M. 2009: Il synedrion di Salamina. Note a Erodoto 8.49–63. In: G. Abbamonte, L. Miletto, L. Spina (eds.), *Discorsi alla prova: Atti del Quinto Colloquio italo-francese "Discorsi pronunciati, discorsi ascoltati: contesti di eloquenzatira Grecia, Roma ed Europa"*. Napoli, 113–126.
- Evans, J.A.S. 1984: Herodotus and Marathon. *Florilegium* 6, 1–27.
- Flower, M.A. 1998: Simonides, Ephorus, and Herodotus on the battle of Thermopylae. *Classical Quarterly* 48/2, 365–379.
- Fornara, C.W. 1971: Evidence for the date of Herodotus' publication. *Journal of Hellenic Studies* 91, 25–34.
- Foster, E. 2012: Thermopylae and Pylos, with reference to the Homeric background. In: E. Foster, D. Lateiner (eds.), *Thucydides and Herodotus*. Oxford–New York, 185–214.
- Fowler, R.L. 2013: *Early Greek Mythography*. II. *Commentary*. Oxford.
- Greenwood, E. 2007: Bridging the narrative (5.23–7). In: E. Irwin, E. Greenwood (eds.), *Reading Herodotus: A Study of the Logoi in Book 5 of Herodotus' Histories*. Cambridge, 128–145.
- Hansen, M.H. 1997: Hekataios' use of the word polis in his Periegesis. In: T.H. Nielsen (ed.), *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis*. Stuttgart, 17–27.
- Hartog, F. 1999: [The first historians of Greece: historicity and history]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 177–187.
- Артог, Ф. Первые историки Греции: историчность и история. *ВДИ* 1, 177–187.
- Heidel, W.A. 1987: *Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus, Book II*. New York–London.
- Hellmann, F. 1996: L'esposizione del logos di Creso. *Aevum antiquum* 9, 14–48.
- Hening, D. 1992: Herodot 6, 108: Athen und Plataiai. *Chiron* 22, 13–24.
- Herrmann, M. 1911: Hekataios als mutmassliche geographische Quelle Herodots in seiner Beschreibung des Xerxeszuges. *Klio* 11, 382–384.
- Hollmann, A. 2015: Solon in Herodotus. In: G. Nagy, M. Noussia-Fantuzzi (eds.), *Solon in the Making: The Early Reception in the Fifth and Fourth Centuries*. (Trends in Classics, 7/1). Berlin–Boston, 85–109.
- Jacoby, F. 1956: *Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung*. Leiden.
- Jong, I.J.F. de 2002: Narrative unity and units. In: E.J. Bakker, I.J.F. de Jong, H. van Wees (eds.), *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden–Boston–Köln, 245–266.
- Jong, I.J.F. de 2004: Herodotus. In: I.J.F. de Jong, R. Nünlist, A. Bowie (eds.), *Narrators, Narratees, and Narratives in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative*. Vol. 1. Leiden–Boston, 101–114.
- Kindt, J. 2006: Delphic oracle stories and the beginnings of historiography: Herodotus' Croesus logos. *Classical Philology* 101/1, 34–51.
- Konstantinou, A. 2017: Herodotus on stage: the modern Greek play "Candaules' Wife" by Margarita Liberaki. In: E. Almagor, L. Maurice (eds.), *The Reception of Ancient Virtues and Vices in Modern Popular Culture: Beauty, Bravery, Blood and Glory*. Leiden–Boston, 77–99.
- Lloyd, A.B. 1975: *Herodotus Book II. Introduction*. Leiden.
- Marincola, J. 2001: *Greek Historians*. Oxford.
- Marincola, J. 2006: Herodotus and the poetry of the past. In: C. Dewald, J. Marincola (eds.), *The Cambridge Companion to Herodotus*. Cambridge, 13–28.
- Marincola, J. 2016a: The historian as hero: Herodotus and the 300 at Thermopylae. *TAPA* 146/2, 219–236.
- Marincola, J. 2016b: History without malice: Plutarch rewrites the battle of Plataea. In: J. Priestley, V. Zali (eds.), *Brill's Companion to the Reception of Herodotus in Antiquity and Beyond*. Leiden–Boston, 101–119.
- Martin, R.P. 2017: Crooked competition: the performance and poetics of Skolia. In: E.J. Bakker (ed.), *Authorship and Greek Song: Authority, Authenticity and Performance*. (Studies in Archaic and Classical Greek Song, 3). Leiden–Boston, 61–79.
- Mills, S.J.V. 2014: The Lydian logos of Herodotus 1.50–2. *Greece & Rome* 61/2, 147–151.
- Ogden, D. 1994: Crooked speech: the genesis of the Spartan rhetra. *Journal of Hellenic Studies* 114, 85–102.
- O'Sullivan, J.N. 1977: On Herodotus 7.183: three sound ships for Salamis. *Classical Quarterly* 27/1, 92–94.
- Parker, V. 2007: Herodotus' use of Aeschylus' Persae as a source for the battle of Salamis. *Symbolae Osloenses* 82, 2–29.

- Pelling, C. 2006: Speech and narrative in the Histories. In: C. Dewald, J. Marincola (eds.), *The Cambridge Companion to Herodotus*. Cambridge, 103–121.
- Pelling, C. 2016: Herodotus' Persian stories: narrative shape and historical interpretation. *Syllecta classica* 27, 65–92.
- Priestley, J., Zali, V. (eds.) 2016: *Brill's Companion to the Reception of Herodotus in Antiquity and Beyond*. Leiden–Boston.
- Ruschenbusch, E. 2000: Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen (FGrHist 3). *Klio* 82/2, 335–343.
- Surikov, I.E. 2011: *Oчерки ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii* [Essays on Historical Writing in Classical Greece]. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Очерки об историописании в классической Греции*. М.
- Thomas, R. 2000: Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion. Cambridge.
- Vannicelli, P. 2007: To each his own: Simonides and Herodotus on Thermopylae. In: J. Marincola (ed.), *A Companion to Greek and Roman Historiography*. Vol. 2. Oxford, 315–321.
- Vernant, J.-P. 1982: From Oedipus to Periander: Lameness, tyranny, incest in legend and history. *Arethusa* 15, 19–38.
- Visser, E. 2000: Herodots Kroisos-Logos: Rezeptionssteuerung und Geschichtsphilosophie. *Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft* 24, 5–28.
- West, S. 1991: Herodotus' portrait of Hecataeus. *Journal of Hellenic Studies* 111, 144–160.
- Wheeler, B.I. 1902: Herodotus's account of the battle of Salamis. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 33, 127–138.
- Zali, V. 2015: *The Shape of Herodotean Rhetoric: A Study of the Speeches in Herodotus' Histories with Special Attention to Books 5–9*. Leiden–Boston.

Igor E. Surikov,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

И.Е. Суриков,

д.и.н., г.н.с. отдела сравнительного
изучения древних цивилизаций,
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия